

Свщ. Евгений Зинковский

РУССКИЕ ФИЛОСОФЫ О ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ ЛЮБВИ

В персоналистическом направлении философской мысли мы много слышим о особом, безграничном, безусловном значении и достоинстве человеческой личности. Читая труды философов-персоналистов мы можем с ними соглашаться или же пытаться войти с ними в полемику, но смотря на личное восприятие достоинства своей собственной личности, утверждение о ее особенностях нам кажется справедливым. Проблемы начинаются тогда, когда нам нужно найти основу особого достоинства личности другого человека. А уже эта истина о достоинстве другой личности не для всех является очевидной. Теоретически ее можно представить, обосновать, доказать, можно об этом даже поспорить, но каким образом можно получить жизненное знание и убеждение о неповторимом достоинстве личности другого человека? Что действительно может помочь мне не только знать об этом, но и соответствовать ему в моем отношении к людям?

На страницах этой статьи мы попробуем присмотреться, какой путь предлагают нам два русских философа – Владимир Соловьев (1853-1900) и Семен Франк (1870-1950). В их философском поиске мы встречаем стремление показать, что особое место в утверждении человека в личностном достоинстве занимает любовь. Так или иначе они показывают нам, что именно благодаря отношениям любви к другой личности можно не просто

познать личностное достоинство другого, но и пережить его и принять, а тем самым самому осуществиться как личность.

1. Оправдание и спасение индивидуальности

Владимир Соловьев в своем труде под названием «Смысл любви» раскрывает роль истинной любви, которую она играет в становлении человеческой личности и в осуществлении личностью своего безотносительного достоинства. Начиная поиск смысла любви Соловьев отталкивается от представления человека в качестве личности. Для него человек не только является высшим существом природного мира и действительным концом мироздательного процесса, но прежде всего тем, кто в своей индивидуальности имеет самостоятельное значение с присущей ему абсолютной формой разумного сознания. Именно на этой основе разумного сознания заключается не только само безотносительное достоинство человеческой личности, но и убеждение человека в этом достоинстве. Каждый человек может познавать и осуществлять истину, может найти в ней свое оправдание и утверждение, но самого этого познания ему не достаточно. Теоретическое сознание истины не является для человека живой силой, представляясь только лишь отражением чужого света. Таким образом человек живет в эгоизме.

Чтобы лучше представить нам истину о любви Владимир Соловьев показывает нам эгоистическое состояние человека, а также его ложь и зло. Человек в своем самосознании ищущий самоутверждения своей индивидуальности, будучи эгоистичным, находит только лишь самоотрицание и гибель. Может показаться, что ложь эгоизма человека заключается в той оценке, которую человек ставит именно себе, осознавая свое безусловное значение и бесконечное достоинство. Наш философ справедливо замечает, что не в этом он себя обманывает, ибо

[...] всякий человеческий субъект как самостоятельный центр живых сил, как потенция (возможность) бесконечного совершенства, как существо, могущее в сознании и в жизни своей вмесить абсолютную истину, всякий человек в этом качестве имеет безотносительное значение и достоинство, есть нечто безусловно незаменимое и слишком высоко оценить себя не может¹.

Человеческая личность в учении Соловьева действительно имеет особое достоинство, но его трагедия заключается в том, что, признавая его за

¹ В. Соловьев. *Смысл любви*. Доступны в Интернете: <http://philosophy.ru/library/solovev/love.html> [доступ: 19.03.2014].

собою, человек несклонен естественным образом даже замечать его в другой личности. Несправедливо не принимая безусловного значения личности другого, человек и попадает в основную ложь и зло своего эгоизма.

Следствием эгоизма является самоотрицание и гибель человека. Владимир Соловьев в своем учении представляет мировоззрение всеединства, и с этой перспективы всеединства он также смотрит и на человека. Каждый человек может осуществить себя только лишь в единстве с другими. То безотносительное значение и достоинство человеческой личности само по себе имеет лишь потенциальный характер. Бог обладает полнотой бытия, человек же, имея возможность в сознании и жизни вместить абсолютную истину и тем самым становиться всем, может осуществить свое достоинство только лишь снимая в своем сознании и жизни внутреннюю грань, которая отделяет его от другого. Не в одиночку, а только лишь вместе с другими человек может осуществить свое личностное достоинство. Если же человек останется закрытым, если он не будет открываться другим и вместе с ними осуществлять свою истинную индивидуальность, которая должна стать „[...] нераздельною и незаменимою частью всеединого целого, самостоятельным живым и своеобразным органом абсолютной жизни”², то останется он пустым, лишит смысла свое существование, отнимет у самого себя истинное содержание жизни, и, как следствие, дождетя только своего самоотрицания и гибели.

Дабы избежать этой перспективы человек делает многое. В своей жизни, в своем человеческом существовании человек использует все доступные ему средства, чтобы избежать своей собственной гибели. Также некоторые условия человеческого существования способствуют смягчению нашего эгоизма, чтобы мы не могли обнаружить его тревожных для нас последствий. Но многие усилия, которые человек совершает для осуществления этой цели, и все условия нашей жизни, скрывающие зло нашего эгоизма, не способны до конца осуществить этого, потому что они не касаются самой основы человеческого эгоизма.

Согласно учению русского философа, единственной живой силой, способной справиться с этой целью, является любовь:

Есть только одна сила, которая может изнутри, в корне, подорвать эгоизм, и действительно его подрывает, именно любовь, и главным образом любовь половая³.

Следовательно, даже если человек сможет теоритически осознать несправедливость эгоистического зла, на деле же, будучи неспособным

² Там.

³ Там.

исправить его, в любви – во внутреннем чувстве, в жизненной своей силе он может испытать для себя безусловное значение личности другого человека. В любви это происходит действительно, а не отвлеченно, в любви выполняется настоящий перенос центра своей жизни за пределы своего фактического феноменального бытия и осуществление его в бытии другой личности.

Таким образом Владимир Соловьев подходит к утверждению, что любовь является живой силой в человеке, выводящей его из ложного самоутверждения, является животворящей силой, спасающей человека. Если эгоизм способен погубить человека, то любовь не просто оправдывает его индивидуальность, не просто спасает человека от гибели, но и увековечивает его, тем самым показывая, что „[...] смысл человеческой любви вообще есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма”⁴.

Человек в своей жизни любит по-разному. Всякая ли любовь несет нам спасение на уровне осуществления нашего личностного достоинства? По мнению Владимира Соловьева в каждой любви человек проявляет эту способность, но не всякая любовь осуществляет ее в той же самой степени. Соловьев видит достоинство мистической любви, любви родительской и особенно материнской, он замечает ценности дружбы, патриотизма и любви к человечеству, науке и искусству, но в этих видах любви он не видит полноты, проникающей все существо человека. Эгоизм, всецело охватывающий человеческую личность, будучи реальной силой, укоренившейся в глубоком центре личностного бытия, проникающий всю действительность человека, может быть превзойден особенным образом всеохватывающей любовью, которой по его мнению является любовь половая:

Она отличается от других родов любви и большей интенсивностью, более захватывающим характером, и возможностью более полной и всесторонней взаимности; только эта любовь может вести к действительному и неразрывному соединению двух жизней в одну, только про нее и в слове Божьем сказано: будут два в плоть едину, т.е. станут одним реальным существом⁵.

Велико значение половой любви в персоналистическом учении Владимира Соловьева. По преимуществу именно в этой любви человек спасается от гибели эгоизма, именно в ней человек находит прочный центр своей личной жизни в другом, осуществляя тем самым безусловное значение своей личности. Но так ли это в конкретной жизни? Владимир Соловьев далек от оторванного от жизни расхваливания любовных

⁴ Соловьев. *Смысл любви*.

⁵ Там.

отношений. Он видит, что в жизни любовные отношения проявляются как временное, внешнее, „[...] поверхностное сближение двух ограниченных существ в узких рамках житейской прозы”⁶. Философ говорит о влюбленной мечте, выражающей глубокое стремление личности осуществиться в своем достоинстве посредством этой конкретной любви, о мечте, которая обычно оказывается лишь предварением их собственного разочарования. Любовное увлечение проходит, оставляя лишь разочарование и «обман» любви с точки зрения безусловного значения личности.

Но действительно ли это обман? Конечно любящий иначе видит своего любимого, чем это делают другие. Соловьев этот момент называет: „[...] особенной идеализацией любимого предмета”⁷, которая, однако, согласно нашему мыслителю вовсе не является субъективной иллюзией. Наш философ в своем исследовании приходит к выводу, что любящий, благодаря свету любви, замечает в своем любимом истинное существо человека, которое кроме животной материальной природы имеет природу идеальную, связывающую его с Богом. Человек является образом Божиим – и если разумом мы можем понять это теоретически, то в любви это происходит конкретно и жизненно. Из этого следует, что любовь – это откровение, откровение идеального существа человеческой личности, обычно закрытого его материальным явлением, любовь – это начало видимого восстановления образа Божьего в материальном мире, любовь – это начало воплощения истинной идеальной человечности.

Вновь в особом свете представляет нам любовь и ее достоинства Владимир Соловьев, делает он это, однако, видя необходимость сознательного действия со стороны человека, дабы она не осталась просто мимолетным проблеском какой-то тайны о человеке. Необходимы деятельная вера, нравственный подвиг и труд, необходимо действующее воображение и реальное творчество, чтобы любовь могла исполнить свою роль. И вот, если любящий человек, открывший в любви до сих пор невидимую истину о личности другого, и переживший особый момент осуществления в ней своего достоинства, если он ведомый верой и совершающий жизненный подвиг любовного служения будет жить в другом и для другого, то он может все-таки достичь истинной цели любви, которую наш философ видит в осуществлении абсолютно идеальной личности⁸.

⁶ Там.

⁷ Там.

⁸ Следует заметить, что в учении Владимира Соловьева истинный человек в полноте своей идеальной личности не является только мужчиной или же женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Задачей же любви будет осуществить это единство, создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою

2. Любовь побеждающая страх

Ознакомившись с тем, какую роль в учении Владимира Соловьева играет любовь для реального утверждения личности человека в его безусловном достоинстве, мы переходим к рассмотрению роли любви в становлении личности в учении другого русского философа, которым является Семен Людвигович Франк. Учение о роли любви этого мыслителя во много совпадает с тем, что мы наблюдали у Соловьева. Здесь также, как и у Соловьева, мы видим анализ эгоистического состояния человека, необходимость другого, для осуществления личности, и особую роль любви, которую она играет в этом осуществлении. Франк не считал Соловьева своим учителем, но в последствии он сам заметит особое сходство своей мысли с первой философской системой русской философии, отцом которой является Владимир Соловьев.

Учение о роли любви в системе Семена Франка развивается в рамках его антропологии, которую в свою очередь невозможно понять вне его общего взгляда на реальность, воспринимаемую в качестве всеединства. Франк говорит, что человек находится в двух мирах, то есть в действительности и в реальности. Действительность это все то, что можно выразить в рациональных понятиях, чтобы ориентироваться в ней, реальность же является ее основой, но характеризующейся непостижимостью и металогическим единством. Реальность для Франка является слоем бытия более важным, потому что она является бытием безусловным и абсолютным, лежащим в основе единства всего мира. Оно проникает все, и как бытие трансрациональное может только явиться нам и быть пережито нами.

В этом мире и предстает перед нами человек как особое

[...] бытие, которое обыкновенно называют внутренним, душевным или психическим и которое мы [...] предпочитаем называть непосредственным бытием для себя или [...] непосредственным самобытием⁹.

Но человек в качестве непосредственного самобытия характеризуется потенциальностью, субъективностью и обусловленностью. Он ищет опору для своего существования, для своей актуализации. Одним из моментов поиска этой опоры Франк видит в выходе личности из самой себя, в преодолении своих ограничений для того, чтобы в другом самобытии, в другой

формальную обособленность, но преодолевших свою существенную разнь и распадение. Ср. Соловьев. *Смысл любви*.

⁹ С. Л. Франк. *Непостижимое*. В: С. Л. Франк. *Сочинения*. Ред. Ю. Г. Хацкевич. Москва 2000 с. 445.

личности, в «ты»¹⁰ другого человека найти необходимую опору для своего возникновения, становления, развития и существования. И вот в этих важных для каждого человека отношениях находит свое особое место тайна чуда любви.

3. Тайна страха

„Явление встречи с «ты» именно и есть место, в котором впервые в подлинном смысле возникает само «я»”¹¹. Человек, находящийся в реальности, воспринимаемой в качестве всеединства, ищет в ней свое место и опору для своего существования. Что же он встречает в начале, какое значение имеет это событие для его существования и какими являются его переживания в эти моменты? Семен Людвигович Франк представляет особую роль, которую в становлении личности играет отношение «я-ты». Следуя за его мыслью, постараемся проследить два основных момента события, в котором рождается «я», желая проанализировать два типа отношения «я-ты», которые Семен Франк называет «*mysterium tremendum*» и «*mysterium fascinosum*».

Первый момент встречи «ты» со мною характеризуется явлением чего-то чужого, ужасного и угрожающего. Это не значит, что «ты» по существу своему характеризуется этими признаками. Франк представляет данную ситуацию таким образом, что «я» воспринимает «ты» как нечто угрожающее. Причин такого представления будет две. Первая это то, что «ты» является непосредственным самобытием, и в этом смысле является чем-то похожим на непосредственное самобытие, которым являюсь я.

Я ощущаю («ты») жутким и угрожающим именно потому, что оно лежит как бы на одном уровне, в одной области бытия со мной самим¹².

Но кроме этой похожести есть и другой аспект этой ситуации, когда «ты» воспринимается как что-то «чужое». Семен Франк замечает, что «ты» является чужим не только в своем содержании, но „[...] по самой форме своего бытия, – именно в качестве «ты» – в качестве «второго я»”¹³. Поэтому «ты» в качестве чего-то близкого, но в тоже самое время чужого, угрожает единственности «я», моей самодостаточности. «Ты» не является «я», но

¹⁰ В анализе отношений человека с другой личностью и для указания основы этих отношений Семен Франк использует понятия «я», «ты», «мы».

¹¹ Франк. *Непостижимое* с. 500.

¹² Там с. 511.

¹³ Там с. 511-512.

кажется, что оно стремится мною стать, желает занять мое место и стать моим «жутким двойником».

Важным будет заметить, что ситуация угрозы, ужасная сама по себе, совершается в собственном начале, в так называемом моменте рождения «я». Наш философ говорит:

Мое непосредственное самобытие, имея себя в своей потенциальности безграничным, со всех сторон окруженным и обвешанным своей собственной стихией, чувствует себя смущенным и угрожаемым в этом своем самодавлении именно в то самое мгновение, когда оно через отношение «я-ты» впервые становится подлинным «я»¹⁴.

Помним, что для Франка началом подлинного «я» является именно отношение «я-ты». Для дальнейшего объяснения «угрозы» «ты» Франк сравнивает отношение между непосредственным самобытием, между предметным бытием и отношением «я-ты».

Благодаря отношению непосредственного самобытия с предметным бытием самобытие уже осознает свое ограничение. Это осознание не будет однако сильным, потому что предметное бытие находится на другом уровне бытия, является чем-то инородным для непосредственного самобытия. По этой причине самобытие не чувствует себя окончательно ограниченным. И далее, предметное бытие не в состоянии войти активно внутрь моего непосредственного самобытия, оставаясь всегда внешним бытием. И если мне придется встретиться с ним, как с препятствием, оно всегда останется препятствием внешним, внешней средою.

В случае же с «ты» происходит то, что не может произойти во встрече с предметным бытием. «Ты» как и «я» находится на том же самом уровне бытия, поэтому „Ты» таит в себе опасность врага, стесняющего саму внутреннюю полноту моего непосредственного самобытия как такового”¹⁵. Согласно Франку в этой ситуации «я» начинает испытывать особенный страх – «страх внутренней необеспеченности», из-за которого «я» закрывается в себе, внутри себя, для защиты от нападения «ты»¹⁶.

Интересно, что в именно этот момент «я» входит внутрь себя и в первый раз осознает себя как внутреннее бытие. «Я» закрывается в самом себе для защиты от непосредственных действий «ты», даже если это только взор чужих пар глаз¹⁷. Позиция самозащиты помогает осознать себя как самобытие внутреннее, автономное и независимое. Поэтому

¹⁴ Там с. 512.

¹⁵ Там.

¹⁶ См. Там с. 512-513.

¹⁷ Следует заметить, что для Семена Франка взгляд глаз имеет большое значение и выражает встречу личностей на глубоком уровне.

[...] именно в этой констелляции впервые рождается сознание я – более того, рождается само я как актуализованное бытие в себе и для себя¹⁸.

Поэтому мы можем сказать, что в присутствии «ты», которое представляется нам жутким и угрожающим, непосредственное самобытие внутренне интегрируется, смыкается у центра своего бытия, теряя свою безграничную неопределенность, становясь таким образом именно «я».

С этой точки зрения

«Я» есть ближайшим образом непосредственное самобытие, отступившее вовнутрь самого себя, в страхе замыкающееся в себе и вместе с тем как бы мобилизованное для нападения, вылазки, борьбы¹⁹.

Без угрожающего присутствия «ты» не было бы «я». «Я» появляется и существует только в противопоставлении к «ты». «Ты», однако, должно быть воспринимается в своей непонятности и чуждости, то есть в ужасной тайне своей непостижимости «мне подобного не-я». Эта ситуация называется Франком «*mysterium tremendum*».

4. Чудо любви

Над ситуацией названной «*mysterium tremendum*» и понимаемой как отношение «я-ты», в котором «ты» воспринимается как бытие угрожающее и таким образом чужое, возвышается другой тип отношения «я-ты», называемый Семеном Франком «*mysterium fascinosum*». Как мы заметили, для нашего философа «*mysterium tremendum*» является формой отношения «я-ты» первой и основной в генетическом порядке, в котором «я» первый раз осознает себя самого. Необходимо нам однако заметить, что для полной актуализации «я» такой момент встречи с «ты» недостаточен.

«Я» как таковое впервые внутренне оформляется, приобретает прочную реальность, как бы усматривает единственность, законность, понятность своего существа, лишь когда оно видит себя в свете сродного, близкого, тождественного ему по своему существу «ты»²⁰.

Поэтому и «ты», и актуализация самого «я» набирают здесь уже другой смысл, не похожий на то, что представлялось нам в *mysterium tremendum*.

¹⁸ Франк. *Непостижимое* с. 513.

¹⁹ Там с. 514.

²⁰ Там с. 516-517.

И действительно, по Франку

[...] непосредственное самобытие узнает в «ты» успокоительную, отрадную ему реальность сходного, сродного, родного ему – некую свою родину, т.е. реальность вне себя самого, внутренне ему тождественную²¹.

Поэтому особенностью «ты», которую «я» открывает в этот уже момент, является близость и похожесть. Но теперь близость не несет с собой ужаса опасности, не нарушает единственности и неповторимости «я». «Ты» представляется в качестве понимающего и деликатного, способного проникнуть вовнутрь, и поэтому «я» не боится найти в нем внешнее бытие, но полное составляющего элемента своего собственного внутреннего бытия. Также этот момент является необходимым для рождения «я», как утверждает это наш философ:

Вне «уважения» к «другому» – вне восприятия «ты» как самоочевидной, внутренне правомерной реальности – нет законченного самосознания, нет внутренне прочного самобытия «я»²².

Mysterium fascinosum далее называется Франком тайной любви. В любви происходит чудо, поэтому любовь и воспринимается как чудесный феномен, действительное чудо. Для того, чтобы лучше понять мысль нашего философа в этой области, мы должны вместе с ним исследовать метафизический аспект любви, и таким образом понять суть этого чуда.

Как мы видели, Семен Франк воспринимает «я» как что-то, что для меня является абсолютно единственным. «Я» как непосредственное самобытие, как точка бытия, которая для меня является глубокой и оригинальной, имеет абсолютную ценность. Самобытие в этом смысле не может сравниться ни с чем другим.

Я есмь единственный, и все остальное – по сравнению с этим «я есмь», с этой самое себя озаряющей, для себя самой сущей точкой света и жизни, через которую все остальное впервые может быть для меня, - принадлежит все же иной, в некотором смысле уже подчиненной сфере²³.

«Я» подразумевается мной как точка света и жизни, которая освещает себя саму и существует для себя самой. Поэтому все остальное воспринимается как бытие, которое существует для меня. Вся моя жизнь, все мое существование, все мое бытие и все остальное концентрируется вокруг моего «я». Эта единственность «я» позволяет нам видеть эгоизм человека. Семен Франк утверждает это следующим образом:

²¹ Там с. 515-516.

²² Там с. 514.

²³ Франк. *Непостижимое* с. 526-527.

По самой онтологической структуре бытия, как самобытия, человек в первичном своем составе есть «эгоист» в буквальном смысле этого слова, т.е. существо, имеющее своим абсолютным средоточием то несказанное нечто, что обозначается словом *ego*, «я»²⁴.

Если человек является эгоистом, а как мы видели, для Франка человек в определенном смысле является эгоистом в онтологической структуре своего бытия, всю оставшуюся реальность он будет воспринимать своеобразным образом. Остальная реальность воспринимается человеком как что-то существующее для него. В этом смысле его отношение с реальностью воспринимается в смысле обладания ею.

«Я» как эгоист в этом ракурсе обладания смотрит также и на другое «ты».

В силу этого и «ты» есть ближайшим образом именно ты для меня – реальность, которой я обладаю в ее действии на меня, в ее значении для меня и существо которой состоит для меня именно в этом образе ее бытия²⁵.

Но это обладание «ты» не может быть настоящим обладанием. Я не могу обладать абсолютным образом бытием «ты», являющимся абсолютно независимым от меня, будучи непосредственным самобытием, конкретной реальностью. «Ты» является мне как чужое «есмы» и таким образом „[...] последняя, подлинная тайна «ты» лежит именно в этом «еси» – в независимой от меня, по себе сущей реальности”²⁶. Я вижу в «ты» другое «я», другую непостижимую реальность, непостижимое чудо другого.

В чем же состоит чудо любви? Наверняка чудо нельзя отождествлять с чувством, с эмоциональным отношением личностей. Согласно Семену Франку в любви происходит чудо, являющееся тайной, поэтому и сама любовь, являясь чудесным феноменом, будет до конца непостижимой тайной. Но все-таки в чем же заключается ее смысл? Он пишет:

Первичный смысл феномена любви состоит в том, что она есть актуализированное, завершенное трансцендирование к «ты» как подлинной, я-подобной, по себе и для себя сущей реальности, открытие и усмотрение «ты» как такого рода реальности и обретение в нем онтологической опорной точки для меня²⁷.

В этом определении любви мы можем отметить три момента. В начале можем обозначить момент открытия той истины, что «ты» является настоящей

²⁴ Там с. 527.

²⁵ Там.

²⁶ Там с. 528.

²⁷ Там.

реальностью, существующей по себе и для себя: открытие другого, мне подобного глубиной своего бытия. Во втором моменте «я» открывает, что именно в «ты» оно может найти онтологическую опорную точку для себя. «Я» ищет ее, осознавая свою потенциальность и необходимость актуализации в другом. Это кажется быть невозможным, но благодаря чуду любви это осуществляется.

Непосредственное самобытие, не теряя своего по существу единственного центра, становится все же подлинно двуцентричным – наряду с средоточием «я» непосредственное бытие обладает средоточием «ты» как своей собственной опорной точкой²⁸.

И в конце концов чудо третьего момента, чудо трансцендирования в другого. И действительно, «ты» не становится просто моей вещью, мне принадлежащей в моем двуцентричном непосредственном самобытии. «Ты» становится моим, но именно потому что я сам вхожу в него, «переношусь» в него, я сам осознаю свою принадлежность ему.

Благодаря трансцендированию, происходящему в любви, я могу познать реальность другого. Это может произойти потому что, входя в «ты» «я» может в первый раз познать его изнутри, благодаря сопереживанию может воспринять его инаковость и единственность.

Лишь на этом пути, через любовь, мои глаза раскрываются через признающее усмотрение инаковости «другого», «ты» – и «ты» становится для меня «вторым я»²⁹.

Любовь в первый раз открывает мне глаза – кажется, что это утверждение Франка противоречит жизненному опыту всех людей. Наоборот люди говорят, что любовь ослепляет. Наш философ, подобно Соловьеву, осознает эту трудность, поэтому объясняет свое утверждение. Франк различает ориентировку любящего человека в действительности, то есть в объективном мире, и само отношение любви. В первом случае любовь действительно может привести к ошибочным суждениям и оценкам, касающимся любимого человека и человека безразличного. Во втором же случае, когда рассматривается только лишь любящее отношение между личностями, такая любовь открывает глаза. В любви наши глаза открываются и видят чудо личности другого:

Впервые открывая нам «ты» в его реальном глубинном средоточии – «ты» как личность, – любовь тем самым впервые делает нас доступными откровению святости личности, – святости, которую мы не можем не

²⁸ Там с. 528.

²⁹ Там с. 529.

любить благоговейно даже в самом преступном, извращенном, испорченном, озверелом человеке³⁰.

Это утверждение кажется быть интересным. Действительно многие мыслители стремятся найти объяснение достоинству и величию человеческой личности: его находят, но повседневная жизнь, социальные и политические отношения, не всегда выражают очевидность этого достоинства, которое кажется быть скрытым за личными или политическими интересами. Любовь же ведет нас от интересов к личности, показывая нам подлинное чудо ее личностного достоинства и величия.

Наблюдая за феноменом любви Семен Франк видит ее чудесно непостижимое существо в единении, в пребывании в единстве с другим. Это единство объясняется Франком, отталкиваясь от понятия всеединства. Благодаря любви непосредственное самобытие, которое обычно воспринимает себя в своей собственной единственности и одиночестве, видит, что оно не одиноко. Входит оно в глубину бытия и замечает саму себя как часть всеединства.

Лишь здесь (в любви) внутреннее существо всеединства бытия обнаруживается как внутренне расчлененная всеобщность непосредственного самобытия³¹.

В любви двое становятся одним. В глубине реальности они едины, а в любви они это открывают и желают этим жить.

Слово «любовь» имеет много значений. Обычно говорится о супружеской любви, любви материнской, любви к Богу, к родине, к ближнему и т.д. Многие философы изучают этот феномен и дают ему различные объяснения. Одно объяснение, похожее на то, что представил Семен Франк, мы уже нашли в творчестве Владимира Соловьева. Для него, однако, особенным по преимуществу видом любви, который способен вывести человека из экзистенциального эгоизма и помочь человеку увидеть в личности другого его абсолютное достоинство, является, прежде всего, любовь половая. Поэтому можем задать вопрос, о каком виде любви говорит Семен Франк? В отличие от Соловьева Франк не указывает определенного вида любви, как единственно имеющего метафизическое значение. Для него:

Любовь в ее существе обнаруживается не только в эротической и супружеской любви, в материнской любви, в любви к родителям, братьям и сестрам, в истинной интимной дружбе, но и во всяком вообще

³⁰ Франк. *Непостижимое* с. 529.

³¹ Там с. 530; ср. С. Л. Франк. *Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия*. Париж 1956 с. 62.

отношении к «ты» как однородной мне подлинной реальности, – во всяком отношении к «ты» как к «ближнему»³².

Поэтому для Франка всякий знак уважения к личности человека и даже простая улыбка или приветствие могут выражать любовь в его метафизическом значении.

В конце мы еще должны заметить утверждение Франка, что не существует совершенной и чистой любви в ее метафизическом значении³³. То есть, когда мы размышляем о двух типах отношения «я-ты», может казаться, что они достаточно хорошо отделены друг от друга. Однако, согласно нашему философу, в каждом отношении «я-ты» присутствует любовь, стремящаяся раскрыть достоинство личности, и страх, видящий «чуждость» другого. Поэтому он делает следующее замечание:

Отношение «я-ты» есть, таким образом, по самому своему существу... некое таинственное непостижимо-трансрациональное единство «*mysterium tremendum*» с «*mysterium fascinosum*» – единство тайны страха и вражды с тайной любви³⁴.

Любовь открывает мне глаза. В любви я не просто вижу достоинство личности другого, но и переживаю его. Благодаря любви к другому я сам осуществляюсь в своем личностном достоинстве. Любовь приглашает меня верно и стойко следовать этим путем его осуществления. Об этом говорили русские мыслители Владимир Соловьев и Семен Франк. Можно видеть различие их взглядов, но не заметить их подобия не возможно. Остается только пожелать, чтобы любовь и нам помогла увидеть чудо личностного достоинства каждого человека.

FILOZOFOWIE ROSYJSCY O PERSONALISTYCZNYM ZNACZENIU MIŁOŚCI

Streszczenie

W kierunku personalistycznym myśli filozoficznej mówi się często o szczególnym, bezgranicznym, bezwarunkowym znaczeniu i godności osoby ludzkiej. Artykuł pokazuje, jakie miejsce zajmuje miłość w uzasadnianiu znaczenia osobowej godności człowieka w interpretacji dwóch myślicieli rosyjskich – Władimira Sołowjowa (1853-1900) i Semiona

³² Франк. *Непостижимое* с. 531.

³³ Там с. 532.

³⁴ Там с. 518-519.

Franka (1870-1950). Każdy z nich w ramach swojego systemu filozoficznego pokazuje nam, że właśnie dzięki relacjom miłości do drugiej osoby można nie tylko poznać godność drugiego człowieka, ale również przeżyć ją i przyjąć, i dzięki temu spełnić się jako osoba. Sołowjow szuka roli prawdziwej miłości w swoim dziele *Sens miłości*. Przedstawia w nim człowieka jako osobę, która w swojej indywidualności ma osobiste znaczenie, posiadając absolutną formę poznania racjonalnego. Człowiek posiada tę godność i jest przekonany o jej własnym posiadaniu. Sytuację tę Sołowjow przedstawia jednak jako egoistyczny stan człowieka, który prowadzi go do samozatrącenia. Złem egoizmu nie jest przyznanie sobie absolutnego znaczenia, ale nieprzyznanie go innym ludziom. Skutkiem tego zła będzie autonegacja i autodestrukcja. Autor *Sensu miłości* pokazuje, że jedyną siłą, dzięki której człowiek może doświadczyć bezwarunkowego znaczenia innej osoby i przenieść centrum swojego życia poza granicę swego faktycznego bycia, aby urzeczywistnić się w drugim, jest właśnie miłość. Z tego punktu widzenia miłość przedstawiona jest jako źródło zbawienia dla człowieka od zła unicestwienia, jako usprawiedliwienie i zbawienie indywidualności przez ofiarę egoizmu. Zgodnie z nauką tego myśliciela nie każda miłość posiada tę siłę w równej mierze. Sołowjow mówi o miłości, która potrafiłaby przeniknąć całą rzeczywistość człowieka, jak to się dzieje z egoizmem ukorzenionym w samym centrum bycia osoby ludzkiej. Siłę taką posiada, według niego, jedynie miłość seksualna. Nasz autor bez naiwności dostrzega trudności w relacjach ludzi kochających się wzajemnie. A miłość na ich podstawie nazywa nawet niespełnionym marzeniem osoby ludzkiej, które przechodzi, pozostawiając tylko frustrację i poczucie oszustwa «miłości» z punktu widzenia realizacji bezwzględnych wartości osoby ludzkiej. Sołowjow jednak się nie poddaje, ukazując potrzebę wiary, moralnych osiągnięć i pracy, aby miłość rzeczywistości mogła spełnić swoje zadanie. Miłość nie jest oszustwem, jest objawieniem idealnej istoty osoby ludzkiej, która zazwyczaj jest ukryta poprzez swój aspekt materialny. Człowiek miłujący właśnie dzięki światłu miłości widzi w osobie, którą kocha, prawdziwą istotę człowieka, która oprócz przyrody materialnej posiada również przyrodę idealną, łączącą go z Bogiem. Widząc prawdziwą istotę osoby ludzkiej i współdziałając z tym objawieniem, człowiek może osiągnąć prawdziwy cel miłości, którym według Sołowjowa jest realizacja absolutnie idealnej osoby.

Podobną drogę swoich rozmyślań o personalistycznym znaczeniu miłości przechodzi Semion Frank. Frank nie uważał się za ucznia Sołowjowa, jednak później sam napisał, że uświadomił sobie bliskość swojej myśli z myślą twórcy pierwszego systemu filozoficznego. Ta bliskość ich myśli ukazuje się nam również w przedstawieniu tematu miłości w jej personalistycznym znaczeniu. Frank mówi o miłości w swojej książce *Niepojęte*, która jest ontologicznym wstępem do jego filozofii religii. Tym samym przedstawienie ontologicznego cudu miłości w jego myśli dokonuje się na tle całej jego nauki o człowieku, który żyje nie tylko w rzeczywistości, ale i w bezwarunkowej i absolutnej realności, będącej fundamentem naszej rzeczywistości i podstawą całej wszechjedności. Człowiek z tej pozycji przedstawiony jest jako byt szczególny – wewnętrzny i duchowy, który Frank nazywa bezpośrednim samobytem. On ma szczególną godność, która wyraża się w tym, że cała prawda o realności i rzeczywistości, cała wielkość wszechjedności, którą można odkryć w trudnych filozoficznych rozmyślaniach, jawi się samemu człowiekowi w sposób jasny i bezpośredni w doświadczeniu samobytu. Dla Franka godność człowieka nie jest czymś absolutnym. Jest potencjalna, subiektywna i warunkowa. Z tego powodu osoba ludzka

zawsze szuka podstawy nie tylko swojej godności, ale też i podstawy swego istnienia i aktualizacji. Szczególnym momentem szukania tej podstawy jest wyjście osoby ludzkiej z samej siebie, przewyżczenie swojego ograniczenia, aby w drugiej osobie, w drugim samobycie znaleźć potrzebną podstawę dla swego pojawienia się, stania się, rozwoju i istnienia. W tym też momencie Frank mówi o cudzie miłości. Analizując spotkanie z drugą osobą, pokazuje, że pierwszym momentem w tym doświadczeniu człowieka jest jednak strach. Widząc tego, który nie jest już rzeczą, ale osobą, człowiek z przerażeniem doświadcza siły jego godności. Znajdując się na tym samym poziomie bytu, co i ja, druga osoba ma możliwość wejść we mnie, zająć moje jedyne i niepowtarzalne miejsce. Ale w tym groźnym momencie Frank widzi tajemnicę stania się prawdziwą osobą ludzką, dostrzega tajemnicę narodzenia się osoby jako aktualizowanego bytu w sobie i dla siebie. Strach nie może być jednak wystarczającą podstawą dla istnienia osoby ludzkiej. Nasz filozof poświęca dużo miejsca analizie następnej ważnej tajemnicy dla człowieka, którą jest tajemnica miłości. Dlatego, aby człowiek mógł dostrzec w drugim człowieku osobę, która w głębi swego bytu jest podobna do niego, aby mógł właśnie w tej osobie naprawdę się zaktualizować i rozwinąć, aby mógł przenieść centrum swego życia w tę osobę – musi ją pokochać. Frank nie tylko przedstawia metafizyczne znaczenie miłości osobowej, ale mówi również o przeżyciu i doświadczeniu cudu miłości, która otwiera nam oczy, aby były one zdolne zobaczyć w drugim, nawet w najbardziej przewrotnym, człowieku osobę, której nie możemy nie miłować. W odróżnieniu jednak od Sołowjowa Frank jest przekonany, że to cudowne działanie miłości nie jest zarezerwowane dla jakiegoś z jej rodzajów. Cud miłości, jego zdaniem, może się dokonać nawet we wzajemnym spojrzeniu w oczy.

RUSSIAN PHILOSOPHERS ABOUT THE PERSONALISTIC MEANING OF LOVE

S u m m a r y

A lot of Russian philosophers one has to connect with personalistic thought. Władimir Sołowjow (1853-1900) and Semion Frank (1870-1950) are distinguished among of them. Both of them emphasize a meaning of inalienable dignity of every human being. Both of them also are engaged in love as an existential relationship simply organizing that what is contained in "person" concept.

Tłum. Jarosław Sempryk

Słowa kluczowe: Władimir Sołowjow (1853-1900), Semion Frank (1870-1950), filozofia rosyjska, personalizm, filozofia miłości.

Key works: Władimir Sołowjow (1853-1900), Semion Frank (1870-1950), Russian philosophy, personalism, philosophy of love.